

Duda, Andrzej. 2020, May 14. “W tych dniach.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1260913596378353665>.

Duda, Andrzej. 2020, May 21. “Współpracuję z Rządem.” <https://twitter.com/AndrzejDuda/status/1263456492679823360>.

Ermakoff, Ivan. 2020. “Law against the Rule of Law: Assaulting Democracy.” *Journal of Law and Society* 47: 164–186.

Gökarkırsel, Saygun. 2020. “Antifascist Strategy Today: Lineages of Anticommunism and “Militant Democracy” in Eastern Europe.” In *Back to the ‘30s? Recurring Crises of Capitalism, Liberalism, and Democracy*, edited by Jeremy Rayner, Susan Falls, George Souvlis, and Taylor C. Nelms, 215–234. Cham: Palgrave Macmillan.

Hilal-Harvald, Malthe. 2020. “Islam as a Civilizational Threat: Constitutional Identity, Militant Democracy, and Judicial Review in Western Europe.” *German Law Journal* 21(6): 1228–1256.

Loewenstein, Karl. 1935a. “Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, I.” *American Political Science Review* 29(4): 571–593.

Loewenstein, Karl. 1935b. “Autocracy Versus Democracy in Contemporary Europe, II.” *American Political Science Review* 29(5): 755–784.

Loewenstein, Karl. 1937. “Militant Democracy and Fundamental Rights, II.” *American Political Science Review* 31(4): 638–658.

Macklem, Patrick. 2006. “Militant Democracy, Legal Pluralism, and the Paradox of Self-determination.” *International Journal of Constitutional Law* 4(3): 488–516.

Müller, Jan-Werner. 2012. “Militant Democracy.” In *The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law*, edited by Michel Rosenfeld and András Sajó, 1118–1132. New York: Oxford University Press.

Volkenstein, Fabio. 2020. “Partisan Complicity in Democratic Backsliding.” *Global Justice: Theory Practice Rhetoric* 12(2): 117–140.

<http://edoc.bseu.by:8080>

*Л.Н. Семёнова, профессор
ludmila.semenova@bntu.by
БНТУ (Минск, Беларусь)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В вошедшем в стадию разрушительной турбулентности калейдоскопе современных процессов за видимой для всех событийной поверхностью, где полыхают военные столкновения, острые гражданские конфликты, баталии психоинформационной войны, экономические кризисы, идет борьба с эпидемией коронавируса, давно наметилась тенденция демонтажа национальных государств. В топке современного многостороннего кризиса, понимаемого прежде всего как кризис материалистической технократической денежной цивилизации и мировой капиталистической системы, сгорают многие традиционные институты, включая и такой, казавшийся незыблемым, мощным и весьма эффективным, как государство.

Социалистическая идеология давно наметила перспективу отмирания государства в период коммунизма. Отмирание обосновывалось естественным достижением людьми нового типа, воспитанными еще в эпоху первой фазы коммунизма – социализма и тогда же создавшими адекватную материально-техническую базу, высокого уровня самоорганизации и управляемости, при котором особый аппарат насилия и управления станет излишним. Однако современный процесс демонтажа национальных государств весьма далек от проектируемой социалистами эволюции государственного управления к самоорганизации и самоуправлению. Во-первых, он не самопроизволен, а энергично внедряем и жестко управляем. Во-вторых, он не ведет к самоуправлению, а напротив, создает еще более мощное и всеохватное управление. В-третьих, он весьма разнится от страны к стране по целям, содержанию и формам проявления в зависимости от иерархии мировой капиталистической системы, в которой исторически сформировались центр-ядро (страны Запада) и периферия (все остальные).

Капитализм, как экспансионистская система, может существовать и развиваться только при наличии эксплуатируемой им некапиталистической зоны. К концу XIX в. такой зоной для Запада стали все его колонии, полукolonии, протектораты и т.д., в которых их собственная государственность была поставлена под прямое или косвенное внешнее колониальное управление. Процесс деколонизации в XX в. привел к созданию множества формально независимых национальных государств. Однако, реально самостоятельными они не стали, породив группу зависимых, развивающихся, новых колониальных стран 3-го мира, чьи государства вполне обоснованно можно охарактеризовать как периферийные. Периферийность прежде всего означает слабость, т.е. неспособность наладить эффективное хозяйство, обеспечить всем необходимым свое население, защитить его от внешних опасностей. На языке политологии это звучит, как «нехватка институциональных возможностей» или «институциональная неэффективность». По мнению Г.М. Дерлугьяна, подобная слабость сродни безответственности. По его словам, «это вовсе не обязательно личная безответственность, а структурная – правители и элиты не отвечают на главные вызовы государственной власти, не озабочены проблемой выживания». Они отстранены от собственных граждан, которые в их глазах не имеют значения «ни как призывники (поскольку такие государства массовых войн не ведут), ни как налогоплательщики (поскольку источником поступлений является помощь, кредиты из-за рубежа или монополия на опять же зарубежную торговлю)» [1, с. 461–462]. Всего два указанных пункта: обеспечение из-за рубежа военного потенциала и финансовой системы, являются вполне надежными маркерами для определения периферийности государств. Им крайне трудно модернизироваться, они просто прикованы к колее, по которой лишь могут катиться дальше вниз. Как пишет Г. М. Дерлугьян: «В своей основе периферия представляет собой зону различных структурных слабостей, а слабость привлекает несчастья самого различного рода» [1, с. 461]. Все несчастья рукотворны, и исходят от сильных мира сего. Самое распространенное – окончательное экономическое удушение,

за которым следует деградация местного населения, но при этом очередное обогащение сильных мира сего. О том, как это происходит в действительности откровенно поведал Джон Перкинс в книге с красноречивым названием «Исповедь экономического убийцы». Он пишет: «Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ» [2, с. 8].

Если в каком-либо периферийном государстве находится правитель или правящая группа, готовые противостоять подобным разрушительным процессам и деятельности ЭУ, против них наносятся гибридные удары информационной войны, вводятся санкции и осуществляются государственные перевороты на фоне специально подогретых революционных волнений масс, получившие название «цветных революций». Победившая цветная революция возвращает страну в периферию, открывая ее финансовым ветрам глобальной экономики. Поскольку периферийное государство объективно работает в интересах глобальной корпоратократии (термин, введенный Дж. Перкинсом, и обозначающий совокупность корпораций, банков и правительств, создающих глобальную империю), оно не может считаться национальным государством, отстаивающим национальные интересы. Оно лишь обозначает его полный упадок.

В центре мировой капиталистической системы также происходит безжалостная расправа с феноменом национального государства. Главная действующая сила этого разрушительного процесса – вышеназванная корпоратократия, которая, с одной стороны, не афиширует свои глобальные экономические интересы, но, с другой стороны, активно ведет либеральную пропаганду в пользу единого мирового правления в эпоху глобализации.

Структурные кризисы 1970-х гг. подвели черту под доминированием индустриального сначала частнособственнического, затем монополистического и государственно-монополистического капитала (ГМК). Из-под его пресса высвободился финансовый капитал, признающий только финансовую прибыль и финансовые инструменты для ее достижения, и в погоне за этой прибылью готовый на всё. Ограничителем на пути движения капитала всегда выступало национальное государство. Еще К. Поланьи, исследовавший рыночную систему, обратил внимание на то, что она складывается из совокупности рынков товаров, услуг, рабочей силы, земли и денег, из которых первые два – это реальные товары, могущие обращаться по законам рынка, а последние три – фиктивные.

Для того чтобы они функционировали по законам рынка, государства создавали для них особую защитную инфраструктуру [3, с. 17]. И вот теперь финансовый капитал из подзащитного превратился в нападающего на собственное и иностранные государства, так как ему принципиально чужды государственные границы, и вводимые за этими границами государственные ограничения. А поскольку мировой капитализм складывался, с одной стороны, как единая экономическая рыночная система, а с другой стороны, как совокупность государственно-политических организмов, ограничивающих движение капитала в его долгосрочной перспективе, современный финансовый капитал, подчиняясь логике своего движения, нивелирует государства, между делом демонтируя и саму мировую капиталистическую систему, имевшую национальные государства в качестве своей опорной конструкции.

Национальные государства центра растворяются в региональных интеграционных объединениях. Это хорошо видно на примере Европейского Союза. Первоначальный спор на начальных этапах интеграции, чем же будет единая Европа: Европой отечеств, или Европой наднациональных организаций, однозначно закончился в пользу явного преобладания общеевропейских структур. Канадское и мексиканское государства явно поступились своими национальными интересами в пользу американских корпораций в рамках североамериканской зоны свободной торговли.

Последний контрольный выстрел в саму суть национальных государств наносят финансовый капитал и ТНК. Капиталистическое государство всегда было политическим выражением интересов капитала, которое можно описать формулой «капитал–власть», являющейся полной противоположностью известной формулы «власть–собственность», описывающей властно-управленческий нерв в традиционных аграрных докапиталистических обществах. Однако на ранних стадиях, начиная от абсолютных монархий и заканчивая ГМК, государственная власть была сильнее капитала и могла диктовать ему свои условия, отстаивая политические, идеологические, провластные, общенациональные, какие угодно, только не экономические интересы. Всевластие современного финансового капитала уверенно разворачивает и малые, и большие национальные государства к осуществлению исключительно экономических, то есть только его финансового капитала выгод. Такое государство, переориентируясь с функции защиты национальных интересов на функцию защиты финансовых интересов крупнейших транснациональных корпораций (ТНК), становится по своей сути «корпорацией-государством». Как подчеркивает А.И. Фурсов: «Корпорация-государство есть такая форма государственного устройства, цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т.е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требует сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению «территории прописки» – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от «общественного

пирога» до фактического исключения из реальной жизни)» [4]. США давно уже стали кластером или матрицей американских с глобальными интересами ТНК, своеобразной «Глобоамерикой», с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире корпорации-государства. Очевидно, что президенту США Д. Трампу не удалось развернуть американское государство от Глобоамерики к национальным интересам. Глобальный финансовый капитал, даже с таким лидером как Дж. Байден, уверенно себя чувствует на проторенной дороге. Учитывая эти процессы, для Республики Беларусь очевидно, что главная угроза суверенитету исходит от глобализации, развивающейся по лекалам мировой капиталистической системы, и сохранение национального государства становится поистине виртуозной политической задачей.

Список источников:

1. Дерлугьян, Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе / Г.М. Дерлугьян. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.
2. Перкинс, Дж. Исповедь экономического убийцы / Дж. Перкинс [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ModernLib.Net. – Режим доступа: <http://modernlib.net/books/perkins>. – Дата доступа: 17.11.2020.
3. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 10-17.
4. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.

*И.Н. Титаренко, профессор
intitarenko@sfedu.ru*

ФГАОУ ВО «ЮФУ» (Ростов-на-Дону, Россия)

НАСЕЛЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В политических науках устоявшимся стало представление о том, что единственным непосредственным субъектом властных отношений в государствах народовластия является народ. Он является носителем суверенитета и источником власти в государстве. Все остальные субъекты – высшие выборные должностные лица страны и регионов, органы государственной власти и местного самоуправления, общественное территориальное самоуправление и т.п. – являются субъектами производными. Однако это вовсе не означает, что осмысление специфики реализации конституционного принципа народовластия в России, а также статуса субъектов